

Многие, странствуя на чужбине, ведут путевой дневник. Для Романа тетрадь или блокнот, куда можно было бы заносить свои впечатления, оставались недоступной роскошью. Он не мог писать; он не имел ни бумаги, ни пергамента, ни карандаша, ни даже обрывка белой березовой коры с угольком. Более того, если б он даже умудрился получить все это, его толстые, обросшие шерстью пальцы не удержали бы карандаш и не сумели вывести на листе ни одной разборчивой буквы. Сейчас эти огромные мощные руки предназначались совсем для другого; они могли сжать древко копья, поднести ко рту ломоть мяса, поставить шатер, разжечь огонь. И, конечно, приласкать Аквию.

Однако он вел дневник - не карандашом на бумаге, а в форме нескончаемого мысленного монолога, безукоризненно четкие строки, которого заполняли чистые страницы его памяти. Наступит время - и все слова, все фразы, которые он произносил про себя, оживут под властным взглядом Максимова и превратятся в звуки; потом - в письменный отчет, прислушиваясь к собственному голосу, к записи, сделанной под гипнозом. Этот способ был стопроцентно надежным и гарантировал полную и достоверную расшифровку его "дневника"; а потому Роман старался не писать в нем лишнего.

Итак, прошла неделя с тех пор, как он пустился в странствие по ледяной равнине - в полузверином обличе и с чародейкой в качестве спутницы.

СЕДЬМОЙ ДЕНЬ ПУТИ

Аквия окончательно оправилась после нападения каннибалов. Видимо, тут помогли и ночные труды Романа, и та атмосфера доверия и взаимной симпатии, в которой теперь протекало их путешествие. Роман давно знал, что опасность сближает людей; и если смертельные враги, попав в трудную ситуацию, не перережут друг другу глотки в первый же день, на второй или на третий они, весьма вероятно, станут друзьями. Им с Аквией потребовалось немного больше времени для выяснения отношений, но конечный результат стоил того; каждую ночь Снежная Королева трепетала в объятиях своего стража и хранителя, услаждая его слух звонкими трелями серебряного колокольчика.

На седьмой день они нашли новую полынью, на этот раз - естественную. Эта длинная и узкая промоина образовалась вследствие локальной подвижки льдов в том месте, где покрывавший море щит был особенно тонким. Вокруг скопилось много зверья; волки и катрабы охотились на тюленей и сами попадали на обед странным морским тварям, похожим на огромных каракатиц с четырьмя длинными щупальцами. Аквия сказала, что лучше держаться подальше от этих созданий, ибо они "обжигают невидимым огнем". Видимо, бьют электрическим током, подумал Роман, но проверять не стал.

Он поинтересовался, откуда жителям Кламстара известны такие подробности о северной стране - ведь Аквия не раз говорила, что ее сородичи избегают этих краев. Как оказалось, кое-что рассказывали посланцы из замка, которые появлялись на юге раз в семь-десять лет, но большая часть сведений была получена от самих туземцев Дарсолана. Иногда целые племена, вымирающие от голода, пытались перебраться на пустовавшие южные земли; обитатели Кламстара уничтожали мужчин, но принимали женщин, детей и подростков. Каждый человек был ценен - если, конечно, он не относился к числу заядлых каннибалов и мог трудиться. По словам Аквии, почти все пограничные районы ее страны были заселены теперь метисами, потомками белокожих высоких кламстарцев и туземных женщин; это племя охотников и рыболовов оказалось весьма жизнеспособным и стойким, однако в последние десятилетия и они сокращались в числе. Льды наступали с севера и юга, полоска обитаемой земли у экватора становилась все уже, и людей, зажатых меж несокрушимых холодных стен, охватывало отчаяние. Они предчувствовали: еще два или три века, и Кламстар разделит судьбу Дарсолана.

Из долгих бесед с Аквией, Роман с удивлением выяснил, что ни сейчас, ни в прошлом этот мир не знал смены времен года. Вероятно, ось планеты была перпендикулярна к плоскости эклиптики, и на каждой широте климатические условия оставались неизменными. Было ли это обстоятельство естественным или в незапамятную эпоху, в век торжества технологии, древние инженеры спрямили ось? Аквия ничего не могла сказать по сему поводу; даже легенд о тех далеких временах не осталось. И если некогда в материковых щитах вблизи полюсов зияли провалы гигантских дюз, чудовищных двигателей, развернувших мир, то теперь эти титанические сооружения были навеки погребены под слоем льда как и остальные девять десятых поверхности планеты.

ДЕСЯТЫЙ ДЕНЬ ПУТИ

Еще одна полынья - прорубь, высеченная в семифутовой толще льда. Рядом - расчищенная площадка со следами костров, несомненно, с поспешностью покинутое стойбище. На высоком ледяном столбе - туша тюленя, дар Великому Дайру. Увидев эту картину, Роман довольно кивнул. Харат постарался выполнить его повеление.

Они забрали мясо и не стали задерживаться здесь, ибо время едва перевалило за полдень, и разбивать лагерь было еще рано. Упряжка мчалась по равнине, пересеченной тут и там грядами торосов, неслась все дальше и дальше на север, к острову, вмерзшему в морской лед, словно корабль, поставленный на вечную зимовку. Роман думал о том, что полыньи - и естественные, и искусственные - служили одновременно и полями, и огородами, и охотничьими угодьями для местных троглодитов. Вероятно, каждый клан владел несколькими такими колодцами, ведущими к морю и к пище. Скорее всего, они кочевали от одной промоины к другой, не упуская случая ограбить соседей или прихватить на обед зазевавшегося чужого охотника.

Он убедился, что северный край вовсе не являлся таким безжизненным, как могло показаться с первого взгляда. Тут были звери - и на снежной равнине, и в хаосе ледяных надолбов, все как один - хищные и смертельно опасные. Волки, самые слабые среди прочих, брали числом и отчаянной дерзостью, небольшие стаи катрабов подстерегали их у промоин пытаясь отнять добычу и заодно полакомиться волчьей плотью. И те, и другие опасались связываться с хандаром, огромным медведем, и сатлом, похожим на многоногую мохнатую змею футовой толщины. Дайр, владыка и повелитель снежного королевства, царил над всеми - это значило, что он мог догнать, растерзать и пожрать любого.

Люди Дарсолана стояли на одном уровне с волками - возможно, и ниже, ибо никто из троглодитов, с их жалким оружием, не сумел бы справиться с волком один на один. Люди, как и тюлени, были самым первым звеном экологической цепи, самые слабые среди хищников, они являлись пищей для тех, кто превосходил их силой, быстротой, свирепостью. Даже обладание огнем не могло уравнивать шансы, ибо топливом служил жир, и его хватало лишь на то, чтобы как-то обогреть крохотные юрты и приготовить пищу; настоящий костер, защита от хищников, оставался тут недостижимой мечтой.

В полыньях кишели тюленеобразные рыбы, но эта добыча давалась людям нелегко: морские создания были на редкость увертливыми, а костяные гарпуны с трудом пробивали шкуру и толстый слой подкожного жира. Даже Роман, с его превосходной реакцией, промахивался три раза из четырех и клял последними словами ненасытные утробы своих собак и племя Харата, прикончившее не только останки дайра, но и запас сушеной рыбы, которой Аквия кормила псов.

Нет, что ни говори, самой легкой дичью на снежной равнине был человек. И вряд ли

Аквилания, целительница из Дома Властителей Кламстара, смогла увидеть знаменитые берглионские гобелены, если б Роман Гилев столь своевременно не свалился ей на голову.

ПЯТНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ПУТИ

Утром, едва нарты отъехали на пару миль от места последней стоянки, Аквия забеспокоилась. То и дело оборачиваясь, она смотрела назад, словно желая разглядеть некую опасность, скрывавшуюся в белесо фиолетовом мареве дарсоланской равнины. Роман бросил на нее вопросительный взгляд

- Дайр?

- Кажется... Я еще плохо чувствую... слишком далеко... Но он приближается!

- Пусть. Ничего хорошего его тут не ждет, - разведчик потянулся за топором.

- Будь осторожен...

- Я всегда осторожен. Потому и жив еще.

Они замолчали; теперь оба то и дело поглядывали назад.

- Вот он! - Аквия вытянула руку, и Роман увидел мерцающее серебристое облачко, стремительно мчавшееся по их следам. Этот зверь не пытался устроить засаду; возможно, он был голоднее и нетерпеливее. Он видел добычу и бежал напрямик к ней.

- Правь к ближайшим торосам, - велел Роман женщине, перекидывая через плечо ремень своей секиры.

Когда они затормозили у бесформенной одинокой глыбы, он спихнул Аквию в снег и перевернул нарты на бок, завалив ее поклажей.

- Лежи тихо, не двигайся. И ради Великих Льдов не пытайся мне помочь.

Собаки с воем сбились у передка саней; Роман гаркнул на них, и громкий человеческий голос приободрил упряжку. Снежный ящер стремительно приближался, совершая прыжки в пятнадцать футов. Не очень крупный экземпляр, решил разведчик; тот, первый, был дюймов на пять повыше.

Он выступал вперед, потрясая копьем. Багровый солнечный луч скользнул, по толстому широкому лезвию, окрасив сталь в цвета растерзанной плоти. Зверь остановился; казалось, он не то озадачен, не то поражен видом противника. Это странное существо носило шкуру дайра, но лапы у него выглядели совсем иначе... И потом - потом, у него не было хвоста!

Ящер испустил слабое шипенье и двинулся в обход, к собакам. Весь вид его словно говорил: не трогай меня, и я не трону тебя - только возьму положенную дань. Роман не пытался заступить ему дорогу; он замер, высоко подняв копье с тяжелым концом, окованным на фут железом.

Дайр скользнул мимо, опять предостерегающе зашипев. И в этот миг разведчик ринулся вперед. Он не хотел наносить удар острием; эта тварь была слишком мощной, живучей и отлично бронированной, чтобы прикончить ее с одного укола. В конце концов, в первый раз ему сильно повезло, но трудно рассчитывать, что везение повторится...

Он действовал копьем, как дубиной, и окованный железом конец опустился точно туда, куда было рассчитано - на крестец чудища, за шипастым гребнем. Раздался сухой треск, Роман отскочил в сторону, а ящер завертелся на снегу с переломанным позвоночником. Зверь снова зашипел, негромко, яростно; пасть его раскрылась, обнажив ряд чудовищных клыков. Он пополз к человеку, царапая лед когтями передних лап и оставляя широкий кровавый след - задние лапы и хвост бессильно волочились за ним.

Роман неторопливо отошел в сторону, наблюдая за зверем. Лишенный прежней стремительности, он был все еще опасен, и стоило подумать, куда и как нанести завершающий удар.

- Роан!

Разведчик скосил глаз - над краем нарт выглядывала головка Аквии.

- Роан, уедем! Оставь его!

- Оставить столько мяса? - Роман покачал головой. - Ни за что!

Он дважды взмахнул своей страшной дубиной, и перешиб дайру передние лапы; потом, нацелившись, всадил стальной наконечник в горло. Псы торжествующе взвыли, а Роман, стянув панцирь, бросил его на снег и махнул рукой женщине.

- Все! Тут хватит до конца пути - и нам, и собакам! Давай нож!

Он выдернул копье, положил его рядом с панцирем, и начал рубить топором твердую кожу на брюхе зверя. Потом повернулся - Аквия стояла рядом, протягивая нож. Ее прозрачные зеленые глаза были широко раскрыты, и смотрели они на победителя с каким-то странным, призывным и ожидающим выражением.

...В ту ночь они долго любили друг друга и утром тронулись в путь лишь тогда, когда солнечный диск, оторвавшись от далекого горизонта, багровым пузырем всплыл над равниной Дарсолана.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ ПУТИ

- Там, - сказала Аквия, протянув к северу руку. Она привстала на цыпочки, словно пытается разглядеть стены, шпили и башни таинственной цитадели за белесой дымкой, скрывавшей горизонт. - Там, скоро!

Роман кивнул. Они стояли на вершине невысокого тороса, у подножия которого притулилась юрта. Вещи были уже собраны, собаки - запряжены, оставалось свернуть легкий каркас, обтянутый кожами, и - в дорогу.

Чем меньше миль отделяло их от скал Берглиона, тем чаще мысли Романа обращались к чудесам древнего замка. Что ждет его за каменными стенами твердыни Помнящих? Бездонная шахта, что тянется до слоя расплавленной магмы, неведомые энергетические установки, оранжереи... многоцветное сверкание полотен... Нет, гобеленов - Аквия подчеркивала это не раз! И дремлющая века - или тысячелетия - машина с колпаком из проволоки и прозрачных камней шлемом ментальной связи, коммуникатором!

Возможно, он допускал ошибку, и это установка не была передатчиком, а шлем не имел никакого отношения к ментальной связи. В конце концов, он не являлся техническим

специалистом и мог опираться только на собственный, весьма ограниченный опыт. На Земле лишь компьютер Максимова обладал возможностью непосредственной коммуникации с человеческим мозгом, и Роман боялся, что окажется невольным пленником аналогий. Любое устройство с подсоединенным к нему шлемом, который человек способен водрузить себе на голову, будет казаться ему прибором для чтения и передачи мыслей, хотя на самом деле такая штука может предназначаться для чего угодно - от лечения мигрени до завивки волос. Тут он вспомнил о собственной буйной шевелюре и усмехнулся.

Однако интуиция подсказывала ему, что вряд ли древние строители Берглиона разместили в запечатанной камере автоматического парикмахера или машинку, способную только почесывать клиентов за ушами. Нет, это устройство являлось чрезвычайно важным, и при трактовке его назначения следовало исходить не только из внешнего вида, но также из специфики момента. Который был весьма и весьма печальным.

Предположим, сказал он себе, что дремлющая машина и в самом деле передатчик, способный отправить в межзвездные просторы призыв о помощи. Кто и каким образом мог бы использовать ее? Человек, обладающий наследственным телепатическим даром... умеющий концентрировать мысль... посвященный в древнее искусство, когда-то общедоступное и привычное... Он покосился на задумчивое личико стоящей рядом Аквии. Нет, не надо далеко ходить, чтобы найти подходящего кандидата!

Но раньше он сам сунет голову в эту крысоловку из проволоки и убедится, что она безопасна. Все-таки у него немалый опыт в подобных делах... Четыре раза компьютер Максимова выворачивал его мозги наизнанку, трудно представить себе что-то более ужасное!

Да, он проверит сам... Только бы добраться до Берглиона!

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПУТИ

Перевалило за полдень; багровый шар светила медленно сползал к далекой черте горизонта. Теперь, спустя три недели, оно уже не казалось Роману оком дьявола - скорее, покрасневшим от слез глазом божества, оплакивавшего гибель этого мира и своих детей, шаг за шагом приближавшихся к границе вечного небытия. Бог, однако, оставил им надежду и послал мессию, способного указать путь к спасению. И если он, Роман, был этим пророком, то к божественному разряду следовало отнести Максимова.

Разведчик не раз ловил себя на том, что пристально всматривается в солнечный диск, отыскивая сходство с янтарным зрачком старого профессора. Бесполезное занятие; глаза Максимова горели яростным и беспокойным пламенем, тогда как светило Берглиона казалось заревом умирающего костра. И все же он снова и снова глядел на него, словно пытался разгадать тайну своего появления в этом мире

- Что ты там увидел, Роан? - ладонь Аквии в меховой рукавичке легко коснулась его плеча.

- Будущее, - пробормотал Роман, невольно вздрогнув.

- У нас нет будущего, - женщина покачала головой.

- Я говорю о своем мире.

Они помолчали; потом Аквия сказала:

- Скоро тебе предстоит выпить снадобье, чтобы убрать все это... - ее ладонь вновь разворошила

шерсть на плече разведчика. - Не хочу, чтобы тебя видели в Берглионе таким. Моя вина...

- Ни слова больше! - Роман шутливо стиснул ее в объятиях. - Ты, малышка, замаливаешь свой грех каждую ночь, и я с удовольствием получаю эти проценты с нашей сделки.

- Проценты? - Аквия наморщила ясный лоб; видимо, подобные финансовые тонкости были выше ее разума.

- Не бери в голову... Это шутка.

Она послушно кивнула.

- Я приготовлю отвар. Ты выпьешь его утром, в последний день, когда мы увидим скалы Берглиона. Волосы начнут выпадать не сразу... Сначала чуть-чуть, потом полезут клочьями, - она хихикнула. - Боюсь, ты подъедешь к воротам замка совсем голым, Роан.

- У меня есть шкуры, реквизированные у Харата, - с достоинством возразил Роман. - А сверху я натяну панцирь, который содрал с дайра!

- Ты всех перепугаешь, мой хранитель...

Роман оскалился, щелкнул зубами, и Аквия, улыбнувшись, шлепнула его по губам. Прошло минут десять; они держались за руки, меховая рукавичка утопала в огромной мохнатой лапе. Наконец разведчик произнес:

- То мерзкое зелье, что ты поднесла мне при первом знакомстве презанятная штука. Многие в моем мире отдали бы полжизни, чтобы отведать его...

- И та девушка, которая любит смотреть картины прошлого? - Аквия скосила на него лукавый хризолитовый глаз.

- Нет, у нее с прической все в порядке, - смущенно пробормотал Роман.

- В твоём мире у людей не хватает одежды? - бровь женщины недоуменно приподнялась.

- Дело не в том. У стариков, да и у молодых тоже, выпадают волосы - вот здесь, на голове, - он взлохматил свою буйную шевелюру. - И таких парней совсем не любят девушки... Представь, как они страдают!

Внезапно Аквия расхохоталась - да так, что на глазах выступили слезы.

- И ты... ты решил... - она просто изнемогала от смеха. - Ты хотел... хотел бы дать им... мое снадобье?

Роман, молча, кивнул.

- О добрый мой, благородный страж и хранитель! Как эти люди отблагодарят тебя, если такое украшение вырастет у них по всему телу? - она дернула клочок шерсти на груди Романа. - Для восстановления волос имеется совсем другое средство... фастан, жидкий бальзам... Я дам тебе флакон, которого хватит на сотни лысых черепов!

Роман мысленно перекрестился. Хвала Создателю, что он затеял этот разговор! Если бы он выпросил у Аквии ту мерзость, которой его попотчевали три недели назад, и принес зелье доктору, последствия могли быть самыми плачевными. Говорят, благородные седины

президента, рдеют от тяжких трудов на благо страны... и если бы Максимов, с самыми лучшими намерениями... О, это было бы ужасно! Он облегченно вздохнул, кончался двадцать первый день странствий, всех судили бы за государственную измену!

<http://tl.rulate.ru/book/22670/481943>